

С шампанским и молитвою

Живопись Натальи Нестеровой в "Доме Нащокина"

Культура. — 2001. — 9-15 авг. — с. 7

Этот дом, спрятавшийся в одном из тихих переулков Москвы, может быть, мало знаком даже москвичам. Между тем его стены помнят Пушкина, и в нем живет дух игры, поэзии, шалостей и истинной дружбы, культ которой был так высок в прекрасном Золотом веке русской поэзии.

Пушкин писал жене: "Нащокин провожал меня шампанским, женой и молитвами..." И рассказывал об игрушечном домике, копии настоящего, сделанном руками Павла Воиновича: "Домик Нащокина доведен до совершенства — недостает только живых человечков. Как бы Маша им радовалась!"

И сейчас эта удивительная галерея "Дом Нащокина" взрывает художественную жизнь Москвы неожиданными выставками, то представляя М.Шварцмана, чье имя хорошо знакомо профессионалам и которого ждет еще мировая слава, достойная его таланта, то показывая (впервые в Москве) работы художников, вынужденных уехать в шестьдесятые — семидесятые годы (так называемая эмиграция третьей волны) и кровно заинтересованных в том, чтобы их увидели, полюбили на Родине (Шемякин, Неизвестный, Купер, Целков и другие), то вдруг выставку, посвященную Рудольфу Нурееву, или русскому придворному портрету XVIII века, или киноплакату 20-х годов.

Здесь состоялась первая выставка Гаяне — таинственной наивной художницы, почти всю жизнь прожившей в коммуналке в Тбилиси и вытаскивающей для редких посетителей свои божественные холсты из-под кровати. (Нынче у нее крошечная квартирка на окраине.)

Выставка Нестеровой в "Доме Нащокина" отличается от других ее выставок. В экспозиции, состоявшейся несколько лет назад в ЦДХ, звучали трагические ноты, камертоном был мощный полиптих "Тайная вечеря". Там сильные, страстные люди каждый по-своему переживают только что прозвучавшие слова Христа, и белые птицы осеняют их своими крыльями — птицы, христианский знак чистоты и страдания.

На этой выставке царит совсем иная атмосфера. Здесь как будто появились те самые "живые человечки", о которых мечтал Пушкин, которыми хотел порадовать свою маленькую дочку... Здесь танцуют или занимаются эквилибристикой странные существа, обмотанные лентами из игровых карт (размотаешь, а что там?! Может быть, ничего? Пустота? Как знать...); здесь карточный домик плывет по воде, а маленькие люди и большие птицы с интересом наблюдают за оранжевой листвой деревьев и синей, черной, золотой водой пруда; здесь акробаты в костюмах эпохи Возрождения выстраивают из своих тел карточный домик.

Впрочем, нет ничего неблагоприятнее, чем пересказывать сюжеты картин Нестеровой. Я обозначила их только затем, чтобы просветить настроение выставки, очень характерной для этого мощного живописца и каждый раз новой, необычной.

Стоит попытаться пересказать сюжеты ее картин — и мы обречены.

Незаметно, умело, уверенно она уведет нас от истинного их существа. Но если мы доверчиво отдадимся интуиции, чувству, то очень скоро окажемся в особенном мире перевертышей, обманок, печальных розыгрышей. Все, что изображено на ее полотнах, имеет второй, и третий, и многие другие смыслы, слои восприятия. Стоит только чему-то поверить, как чувство ведет тебя дальше, все глубже погружая в созданный художником миф.

В ее искусстве мифологизировано все. Люди, предметы, пейзажи, дома и деревья — все таинственно и полно скрытого смысла, подчас противоположного первоначальной характеристике. ...Человек гонится за шляпой. Он ловит ее, как унесенную ветром судьбу, как единственную надежду. Он неуклюж, тяжел, будто вылеплен из глины. И только страсть позволяет надеяться, что для него еще не все потеряно. Зыбкая, косо поставленная лестница упирается в небо, одна нога соскользнула, пальцы растопырены, он ничего не может удержать, но он напряжен, его усилия значительны.

Все, кто следит за развитием пла-

стических искусств, знают мощную лепку живописных полотен Нестеровой, помнят непонятную, необъяснимую страсть в облике ее героев, пробивающуюся сквозь их самодовлеющую обыденность. В ее картинах содержится тайна. Может быть, дело в том, что предметная структура не раскрывает, а прячет, камуфлирует их истинное значение. Многие ее герои закрывают лица. Так же и она закрывает лицо своего искусства от докучливых взглядов, оставляя зрителю лишь право любоваться удивительной красотой ее живописи.

Один из ее персонажей закрывает лицо, отбываясь от докучливых стрекоз, другие выпускают на волю сильных белых птиц, а иных невозможно рассмотреть из-за круговерти карусели — качаются воздушные лодочки, мелькает полосатая ткань тенгов, сложна, беспокойна конструкция карусели — и беспокойно небо, то взблескивающее легкими пробелами облаков, то грозно темнеющее тучами...

Искусство Нестеровой парадоксально, как, собственно, и все современное искусство. Художник за-

частую стремится совместить в своем творчестве качества взаимоисключающие, неожиданные, несочетаемые. Это неслучайно. Нетерпимость к дидактике, стремление самим искать ответы на вопросы, которые ставит жизнь, — все приводит к новому языку искусства — одновременно простому и сложному, новаторскому и традиционному.

Современный художник избегает лобовых определений, однозначных, элементарных оценок. Ему важно активизировать зрителя, важна диалогичность искусства, где не только зритель многое додумает, почувствует сам, но и где суждения, высказанные автором картины, неоднозначны, многосторонни, разнообразны.

Нестерова выбирает систему живописных приемов, не столько обнажающую истинный строй ее чувств и мыслей, сколько камуфлирующую их. Материал жизни и реминисценция искусства служат ей для конструирования своего мира, который находится в определенном противоречии, столкновении с прототипом. Ее сюжеты веселы, а суть искусства серьезна и часто да-

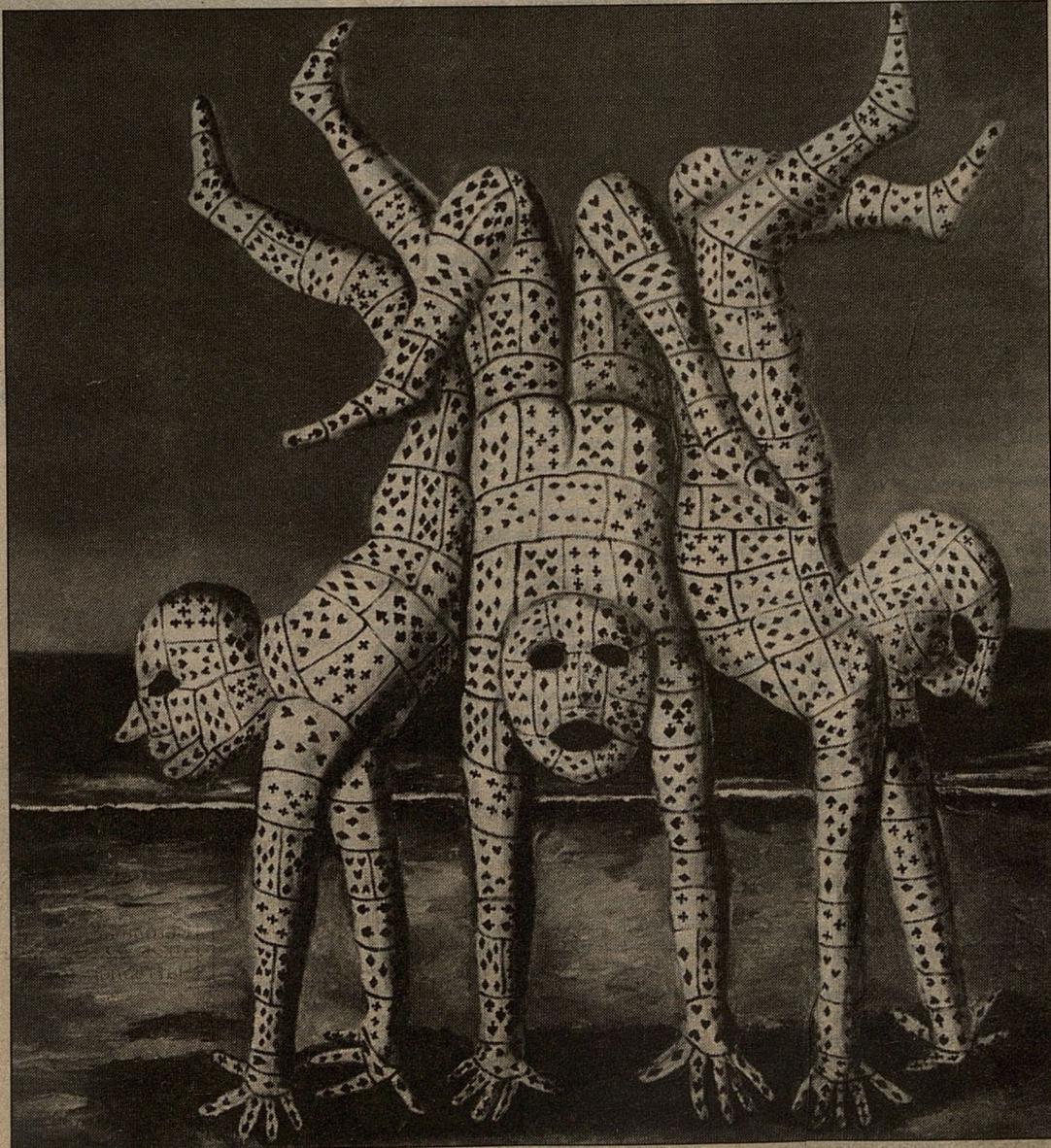
же печальна; персонажи вызывают улыбку, но, приглядевшись, зритель видит за этой забавной внешностью несомненное сочувствие автора своим героям; ее пластическая система тяготеет к примитиву, а на самом деле это очень сложная живописная структура, индивидуальная, но и опирающаяся на глубокое знание русского и мирового багажа живописи.

Сложные градации цвета в ее холстах наполнены движением, поверхность красочного слоя рельефна, иногда краска обретает характер почти скульптурный. Свет, скользящий по этой неровной, вибрирующей поверхности, обогащает ее, придает ей подвижность, таинственность, поэзию. Эта пластическая структура служит для воплощения задач простых и сложных одновременно. Метафорический строй ее картин сродни фильмам Феллини и Бергмана, романам и повестям Маркеса, Кортасара, Булгакова, Кобо Абэ.

Простые композиции, простые сюжеты: люди катаются на велосипеде, поднимаются по винтовой лестнице, едят фрукты или торгуют кофейными мельницами. Но даже предметы натюрмортов вступают в таинственные контакты с персонажами картин. Все обретает особое значение, все полно тайны, выражает напряженную внутреннюю жизнь героев, дает простор для воображения. Это искусство, апеллирующее к чувствам зрителя, ищущее контактов с ним — хотя и не столь уж быстро идущее на контакт. Чтобы его понять или почувствовать, нужны немалые усилия. Впрочем, это относится ко всему современному искусству, не ограничивающему себя чисто развлекательными задачами. Ведь есть искусство, обслуживающее публику, а есть — собеседник и духовный единомышленник.

Картины Нестеровой — это театр масок: трагический, печальный и иногда смешной. Здесь взаимодействуют пространство и время, реалии и фантомы. В ее работах все парадоксально. Пространство и предметы так же значимы, одухотворены, как и люди, и порой рождают чувства более сильные и тревожные, чем одушевленные персонажи. В этом мире перестановки люди подчас напоминают муляжи, а предметы живут, двигаются, страдают. Главное содержание ее работ — эмоциональное напряжение холста, не инспирированная сюжетом тревога, драматизм. Зачастую на лицах ее героев — маски, люди существуют в одном пространстве, но разъединены, смотрят вокруг себя пустыми, невидящими глазами. Но и в неживых, ненастоящих, как будто приснившихся персонажах есть истинная печаль, тревога, даже отчаяние.

Картинам Нестеровой присущи ирония, иногда даже сарказм. Душевным освобождением в ее картинах является цвет. Сияние насыщенного и сложного белого, вспышки золотистого, зеленого и синего возвращают надежду, доброту и тепло.

"Трое". 2001 г.

Виктория ЛЕБЕДЕВА

Нестерова Наталья

15.08.01

897